

Русофобия Запада

С.Г. Кара-Мурза

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами («иными»). Начиная с XVI в. главными *иными* для русских стали народы Запада, в целом — Западная цивилизация. С Запада приходили теперь захватчики, представлявшие главные угрозы. У Запада русские перенимали многие идеи, технологии и общественные институты. По поводу отношения к Западу шел непрерывный диалог.

Самосознание русских никогда не включало ненависть к Западу в качестве своего стержня. От этого русских уберегла история — победы в больших войнах. За исключением части интеллигенции, в сознании русских не было комплекса неполноценности по сравнению с Западом. Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и духовная пропасть, возникшая с отходом его от православного представления о человеке.

Национальное самосознание Европы тоже во многом отталкивалось от образа русских (вообще россиян) и России. Но этот образ периодически рисовался *черными красками*. Там возникла *руссофобия* — широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским, от страха до ненависти. Она присутствует как важный элемент в основных идеологических течениях Запада и оказывает влияние на отношение к России и в массовом сознании, и в установках элиты и правящей верхушки. Игнорировать этот фактор нельзя, он является важным качеством той «окружающей среды», в которой существует Россия.

Этот фактор надо изучать, стараться на него воздействовать, но относиться к нему *рационально*, как и к другим факторам окружающей среды. Нельзя давать волю эмоциям и тем более исходить из эмоций при выработке своих установок и решений. Обижаться на руссофобию, испытывать неприязнь к ее носителям, тем более отворачиваться от их «культурных продуктов» — глупо.

Западная руссофобия имеет примерно тысячелетнюю историю и глубокие корни. Это большая идеологическая концепция, составная часть *евроцентризма* — лежащей в основе западного мировоззрения доктрины, согласно которой в мире имеется одна *цивилизация* — Запад (не в географическом, а в культурном смысле). Всякого рода *фобии* — страхи и ненависть к *иным* — стали с раннего Средневековья влиять на самосознание народов Запада. Это были фобии к тем, от кого исходил вызов («варвары на пороге»), и к тем, кого Запад подавлял и угнетал — и потому ожидал угрозы, которая таится под маской покорности. Почему Россия так возмущала Запад?

Ранним основанием русофобии стала ненависть к Восточному христианству (Православию), от которого с VII в. стала отходить Западная (католическая) церковь. В 1054 г. римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга *анафеме* — произошел раскол (схизма). Анафема — это не размолвка двух королей, в Средние века она проводила духовную границу (эта анафема была «предана забвению» только в 1965 г.).

Но расхождение началось раньше — разделением в IV в. на Западную и Восточную Римские империи. Наследницей Византийской империи (в духовно-религиозном смысле) и считала себя Россия. Еще в XVIII в. все восточно-европейские народы обозначались понятием «*скифы*», пока историк Гердер не позаимствовал у варваров древности имя «*славяне*». Славяне долго еще были для западных европейцев скифами, варварами, *Востоком*.

Систематическая очистка Запада от славян продолжалась четыре века — с кровавых походов Карла Великого (VIII в.). В хрониках, которые писали сопровождавшие его аббаты, славяне назывались не иначе как жабами и червями. Главы западных учебников всемирной истории о том, как Альберт Медведь и Генрих Лев очищали от славян центр Европы, читать страшно. Хотя моравы, венды и сербы уже были крещены, их уничтожали в качестве *язычников*. Остановили этот напор Александр Невский на севере и монголы в Венгрии в XIII в.

Православие было объявлено языческой ересью, и норманны опустошали побережья Византии и Балкан, следуя указаниям св. Августина: поступать с язычниками так же, как евреи с египтянами — *обирать* их. В XII в. начались *крестовые походы* против славян. Важнейшим для русской истории стал IV Крестовый поход в 1204 г. — против Византии, христианского государства.

Так, одним из первых истоков русофобии было представление о славянах Руси как религиозных отступниках. В среде западников и в самой России духовная связь с Византией считалась причиной «умственной незрелости» русских. Чаадаев, писал: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими [западными] народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания».

Накал ненависти к Византии Запада сейчас понять трудно. В XI томе «Всемирной истории», по которой учатся на Западе, дается такое объяснение: «При виде богатства греков латинский мир испытывает восхищение, зависть, подавленность и ненависть. Комплекс неполноценности, который будет удовлетворен в 1204 г., питает его агрессивность по отношению к Византии».

В XIII томе «Всемирной истории» IV Крестовый поход против Византии описан детально (на основе хроник самих аббатов). Все это знали на Руси. С тем же шли на Русь тевтоны. В 1232 г. папа Григорий IX призвал ливонских рыцарей-меченосцев идти в Финляндию «защитить насаждение христианской веры против неверных русских». В 1237 г. этот же папа призывает организовать «*крестовый поход*». В этой кампании и произошла битва со шведами 1240 г. на Неве, за которую Александр получил свой титул. В 1241 г. Григорий IX просит и норвежского короля присоединиться к «крестовому походу против язычников».

Это отношение к Православию и православным славянам в принципе не изменилось в Новое время, да и до сих пор — оно просто ушло в подсознание. В XIX в. Карла Великого, «очистившего» Центральную Европу от славян, назвали

главной фигурой истории Запада — выше Цезаря, Александра Македонского и христианских святых. Когда Наполеон пошел на Россию, его назвали «воскресшим Карлом». В 1942 г. фашисты праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца», а во времена Аденауэра кардинал Фрингс из Кёльна назвал холодную войну «реализацией идеалов Карла Великого».

Представление об «азиатскости» русских на Западе усилились после монгольского нашествия. Русских представляли жителями *восточной* и *мифологической* непонятной страны. Тайнственное освобождение от монгольского ига и быстрое укрепление Руси лишь усилили русофобию — на Востоке вдруг неожиданно возникло огромное государство.

Тогда в Европе стало складываться ощущение восточной границы Запада, за которой находится таинственный *чужой*. Русофобия стала формироваться как большой идеологический миф. Писатель Возрождения Рабле ставил в один ряд «москвитов, индейцев, персов и троглодитов». Большие силы для идейного и художественного оформления русофобии были собраны с началом Ливонской войны (1558–1583). Считается, что она окончательно обозначила для западного человека *восточные пределы Европы* река Нарва и Псковское озеро.

Можно сказать, что на этом этапе идеологи русофобии уже отдавали себе отчет в евразийском характере возникающей Российской империи. Во время Ливонской войны татарская конница составляла существенную часть русского войска, а одно время касимовский хан чингизид Шах-Али (Шигалей) даже командовал всей русской армией.

На Западе было объявлено, что цель России в Ливонской войне — «окончательное разрушение и опустошение всего христианского мира». Был выдвинут лозунг «Священной войны» Европы против России. Тогда была создана развитая технология психологической войны. Было широко использовано книгопечатание и изобретен жанр «летучих листков» (листовок). Это короткие иллюстрированные тексты для массового читателя. Они были дешевы, написаны простым образным языком и охватили значительную часть населения. Для создания в листках черного образа русских были применены все художественные средства описания *зла*, найденные Возрождением. Главные из них такие.

Прямо или косвенно русских представляли через образы Ветхого Завета. Спасение Ливонии сравнивалось с избавлением Израиля от фараона. Утверждалось, что русские — это и есть легендарный библейский народ Мосох, с нашествием которого связывались предсказания о Конце Света. Говорилось, что москвиты есть искаженное слово мосох: «Потому что Мосох или москвитянин означает, не больше ни меньше, как человек, который ведет страшную жизнь, напрягает, протягивает свой лук и хочет стрелять; то же делают и москвитяне». Или, у другого автора: «Нечему удивляться, так как сам народ дик. Ведь моски названы от Месха, что означает: люди, натягивающие луки»¹.

Другая тема — «азиатская» природа русских. При изображении зверств москвитов использовались те же эпитеты и метафоры, как и при описании турок,

¹ Миф о происхождении славян от Мосоха культивировался даже в конце XVIII века в Императорской академии наук, где большое влияние имели немецкие историки.

их и рисовали одинаково². Особо надо сказать о черном мифе об Иване Грозном, который создавался с XVI в. Фигура Ивана IV должна была символизировать российское государство вообще, на все времена. Его устойчиво определяли как *тирана*, так что слово «тиран» стало нарицательным для определения всех правителей России в принципе. Масштаб этого мифа и его идеологического применения таковы, что, по выражению немецкого историка, он с XVI в. по наши дни составляет «нерв русской истории».

Вот несколько мотивов этого мифа. Первый — патологическая жестокость, невиданная на Западе. Масштабы казней при Грозном преувеличены на два порядка (в десятки и сотни раз). С самого начала была дана и качественная оценка — царь Московитской державы «превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, ... и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами».

Большая литература посвящена красочным деталям зверств царя. В первой биографии Грозного, изданной на Западе (1585), говорится, что он любил играть в шахматы и проигравшим отрезал уши, нос и губы. Тех, кто отказывался играть, убивали сразу. В Ливонии царь «сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать».

Особый жанр разоблачений «Тирана Васильевича» называется «Тиранство над женщинами». Тут рассказы об изнасилованиях и похищениях женщин. Когда они царю надоедали, их возвращали мужьям, подвешивали над обеденным столом и заставляли бедного мужа кушать за этим столом. На улице знатные женщины при проезде царя должны были задира́ть подол и стоять так, пока не проедет вся свита.

Третий важный раздел — антихристианский и «азиатский» характер Грозного. Он обычно изображался на Западе в костюме турецкого султана, часто с пикой в руке, на которую насажена отрубленная голова. Писали о его гареме из 50 жен, причем надоевших он убивал самыми изощренными способами.

Многие и в России поверили, что по сравнению с Европой Россия была чуть ли не людоедской страной. Если им сказать, что за 37 лет царствования Грозного было казнено около 3–4 тысяч человек — гораздо меньше, чем за одну только Варфоломеевскую ночь в Париже тех же лет, их вера не поколеблется. Да и если напомнить, что в тот же период в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. Такова сила черных мифов.

На Западе изложение «мифа Грозного» часто завершалось планами военной интервенции в Московию — чтобы «освободить народ, ставший жертвой тирана». Эти планы замечательны и местами остроумны. В одном из них предусмотрен такой ход: в России повсюду должны строиться каменные немецкие церкви, а для москвитов — только деревянные. Они быстро сгниют, москвитам придется ходить в каменные немецкие, и так они незаметно для себя сменят религию.

² Филошук А. Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев // Россия-XXI. 2004. № 3.

После Ливонской войны русофобия полтора века питалась наработанными штампами и мифами. Самое популярное описание России было сделано Олеарием, отчет его был издан по-немецки в 1647 г. и непрестанно переиздавался почти на всех западных языках. Олеарий писал: «Наблюдая дух, нравы и образ жизни русских, вы непременно причислите их к варварам». Затем он по шаблону осуждал русских за недостаток «хороших манер» — за «плотскую похоть и прелюбодеяния», а также за «отвратительную развращенность, которую мы именуем содомией», совершаемую даже с лошадьми. Он также предупреждал будущих инвесторов, что русские «годятся только для рабства» и их надо «гнать на работу плетью и дубинами».

Вольтер, желавший написать историю царствования Петра Великого, получил этот заказ от Елизаветы. Работа началась в 1757 г., из России Вольтеру доставлялись исторические материалы. Ломоносов готовил часть материалов для Вольтера и писал критические замечания на его текст. Ломоносов жаловался на общую тенденциозность труда. В смягченной форме Вольтер следовал той установке, которую выразил раньше в своей «Истории Карла XII, короля Швеции»: «Московия, или Россия ... оставалась почти неизвестной в Европе, пока на ее престоле не оказался царь Петр. Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных»³.

Дипломаты, именитые путешественники и писатели сообщали о России самые нелепые сведения. В «Записках о России» (1754), хранящихся в архиве французского МИДа, дипломат говорит о русских: «Поскольку они по натуре своей воры и убийцы, то не колеблясь совершают одно или другое из этих преступлений, если случай представится, и это в ту пору, когда они постыятся и даже водки себя лишают. Именно в это время напускной набожности особенно опасно находиться на улице в двух городах, в Москве и Санкт-Петербурге; большой риск, что ограбят и даже убьют. В обычае русских убивать тех, кого грабят; в объяснение они говорят, что мертвые не болтают».

Авантюрист Казанова в своих мемуарах описывает фантастическое зрелище: в праздник Богоявления на льду Невы перед Зимним дворцом строят Иордань, где пьяный поп крестит детей, окуная их в прорубь. Уронив случайно младенца в воду, он говорит родителям: «Другого!»

Даже достоинства русских объяснялись их предосудительными отличиями от цивилизованного западного человека. Д. Дидро написал для большой книги аббата Рейналя «История двух Индий» (1780) раздел о России. Он таким образом объясняет, почему русский солдат столь отважен: «Рабство, внушившее ему презрение к жизни, соединено с суеверием, внушившим ему презрение к смерти». Поразительно, но эта формула XVIII в. почти без вариаций действовала двести лет⁴.

³ Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб: Лимбус Пресс, 1999.

⁴ Строев А. Россия глазами французов XVIII — начала XIX века // www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_02.htm (дата обращения: 14.01.2015).

Краткий период благосклонности к российской монархии был связан с имперскими амбициями Наполеона. По выражению А. Безансона, «вся Европа по истине теряет рассудок от любви к русскому самодержцу и объявляет его идеальным представителем рода человеческого. Ведь он избавил Европу от тирана Бонапарта, он даровал Польше конституцию. Бентам восхищается Александром, Джефферсон украшает свой кабинет его бюстом, г-жа де Сталь отправляется в Россию, чтобы вдохнуть там «воздух свободы»⁵.

Но вскоре после Отечественной войны 1812 г. русофобия принципиально обновилась. В столицах стали шептаться, что Россия планирует создать всемирную монархию и что царь опаснее Наполеона. А. Безансон пишет: «Усомнившись в легитимности российского государственного строя, европейцы внезапно осознали, что Россия принадлежит к иной цивилизации. В Европе либеральное мнение почти повсеместно одерживает победу, во Франции свершается революция 1830 г., в Англии происходит реформа избирательной системы, а Россия в это время самым безжалостным образом подавляет восстание в Польше. В сравнении с XVIII столетием европейцы решительно меняют свое отношение к России. Кюстин, Мишле, Уркхарт, Маркс рисуют Россию самыми черными красками»⁶.

После 1815 г. русофобия стала раскручиваться и реакционерами, и революционными силами Европы. Если в XVIII в. о России говорили как о стране просвещенного деспотизма, то теперь она слывет страной «деспотизма восточного». Революционеры проклинали Россию за то, что она мало помогает монархам, которых они сами пытались свергать. Монархи — за то, что не торопится помочь им подавить революцию. В 1849 г. царь по настойчивым просьбам Австрии послал, согласно договору, войска на подавление революции в Венгрии. Эта акция ничего уже не решала, но возмущение было всеобщим. Как пишет А. Безансон, «после 1848 года Европа начинает относиться к России с особым ожесточением».

Ключевой идеей русофобии этого периода становится концепция, согласно которой Россия стремится покорить Европу и увековечить свое «монгольское господство над современным обществом». В развитие этой концепции существенный вклад внес Маркс. Свою неоконченную работу «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (она написана в 1856–1857 гг.) он завершает так: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира. ... Так же как она поступила с Золотой Ордой, Россия теперь ведет дело с Западом. Чтобы стать господином над монголами, Московия должна была *татаризоваться*. Чтобы стать господином над Западом, она должна

⁵ Безансон А. Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа. Commentaire. 1999. № 87 // <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=953/>.

⁶ Там же.

цивилизироваться... оставаясь Рабом, то есть, придав русским тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних»⁷.

Представление России как азиатской империи, стремящейся покорить Европу — примитивный миф, но он был оживлен в конце XIX в. практически без изменений. Так, еще при подготовке войны Франции с Россией появилась фальшивка под названием «Завещание Петра Великого». Якобы дипломат Д'Эон добыл эти материалы в русских архивах в 1756 г. (историки показали, что текст сфабрикован). Для нас интересен смысл «завещания», в котором излагаются, в частности, такие «планы и рекомендации»:

«Ничем не пренебрегать, чтобы придать русскому народу европейские формы жизни и обычаи, и с этой целью приглашать из Европы различных людей, особенно ученых, или ради их выгод, или из человеколюбивых принципов философии... Втайне приготовить все средства для нанесения сильного удара, действовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европе времени прийти в себя... Среди всеобщего ожесточения... послать по Рейну и морям «несметные азиатские орды». Корабли внезапно появятся для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов... одну часть жителей они истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига»⁸.

Европейцев сплачивали мифом, будто им приходилось издавна жить бок о бок с варваром *непредсказуемым*, ход мыслей которого недоступен для логического анализа. В предисловии к книге Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» А. Нойман пишет о том, как менялась эта трактовка России в разные исторические периоды: «Неопределенным был ее христианский статус в XVI и XVII веках, неопределенной была ее способность усвоить то, чему она научилась у Европы, в XVIII веке, неопределенными были ее военные намерения в XIX и военно-политические в XX веке, теперь неопределенным снова выглядит ее потенциал как ученика — всюду эта неизменная неопределенность»⁹.

Поразительно, что и во время Второй мировой войны правители враждующих стран иногда высказывали о России почти буквально одни и те же суждения. В январе 1942 г. Геббельс сделал такую запись: «От подробностей, которые Зепп Дитрих рассказывает мне о русском народе в оккупированных областях, прямо-таки волосы встают дыбом. Величайшей опасностью, которая угрожает нам на востоке, является тупое упорство этой массы. Оно наблюдается как у гражданского населения, так и у солдат. Попав в окружение, солдаты не сдаются, как это модно делать в Западной Европе, а сражаются, пока их не убьют. Боль-

⁷ Это соединение «Европы и Азии» — один из главных мотивов русофобии. Задолго до Маркса Кюстин писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии» (*Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории.* М.: Алгоритм. 2002. С. 464).

⁸ *Партаненко Т.В., Ушаков В.А.* Образ России в революционной Франции («Завещание Петра Великого»). В кн.: Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. СПб, 2006 // www.history.pu.ru/biblioth/novhist/mono/revun/010.htm/.

⁹ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

шевизм только еще усилил эту расовую предрасположенность русского народа. Стало быть, мы здесь имеем дело с противником, с которым надо держать ухо остро. Что случилось бы, если бы этот противник наводнил Западную Европу, — этого человеческий мозг вообще не в состоянии представить»¹⁰.

А в Англии Черчилль в октябре 1942 г. написал: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое под руководством европейского совета»¹¹.

Здесь надо отметить, что всякий раз, когда Россия вовлекалась в европейскую или мировую войну, хотя бы и оборонительную, Отечественную, западную элиту охватывал параноидальный страх, что результатом будет русское нашествие, которое поглотит Европу.

Так было после Отечественной войны 1812 года. Так было и во время I Мировой войны. Безансон писал: «Вообразите только Россию, выигравшую мировую войну, завоевавшую половину Европы, получившую, как обещали ей союзники, в безраздельное владение всю Польшу, Балканы и Константинополь: в результате мы, возможно, имели бы дело с той смесью нигилизма, крайнего национализма, расизма и антисемитизма, которая впоследствии возникла в нацистской Германии, — и весь этот кошмар в масштабах целого континента, да вдобавок освященный религией!»¹².

Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 г. свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали. ... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей»¹³.

На основании всего этого будет разумным принять, что в течение многих веков в правящей элите Запада складывалось и совершенствовалось устойчивое представление о России как об *иной*, чуждой и тающей угрозы цивилизации. Никаких признаков того, что это представление было подвергнуто пересмотру, не наблюдается.

Признанный в США идеолог войны цивилизаций Хантингтон писал, что после окончания холодной войны вопрос о восточной границе Европы оказался открытым. «О ком следует думать как о европейцах, а значит, как о потенциальных членах ЕС и НАТО?» — вот, по мнению Хантингтона, смысл этого вопроса. Отвечая на него, Хантингтон проводит «культурную границу Европы, которая в Европе после холодной войны является также политической и экономической

¹⁰ Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985. С. 98–99.

¹¹ Цит. по Бокарев Ю. Открытое общество» и его друзья // Россия – XXI. 1996. № 5–6.

¹² Безансон А. Указ. соч.

¹³ Цит. по Новиков Г.Н. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе. // Новая и новейшая история. 1993, № 1.

границей Европы и Запада», по линии, «веками отделявшей западнохристианские народы от мусульман и православных».

Эта линия идет по границе России с Финляндией и с республиками Прибалтики, разрезает территорию современных Белоруссии, Украины, Румынии и Боснии, упираясь в Адриатическое море на побережье Черногории.

Как видим, нынешняя Россия в цивилизационное пространство Европы (Запада) не включается.

Список используемых источников

1. *Безансон А.* Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа. *Commentaire*. 1999. № 87 // <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=953/>.
2. *Бокарев Ю.* «Открытое общество» и его друзья. // «Россия – XXI». 1996, № 5–6.
3. *Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб: Лимбус Пресс, 1999.
4. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
5. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.
6. *Кожин В.В.* Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм. 2002.
7. *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993, № 1.
8. *Орлов Ю.Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.
9. *Партаненко Т.В., В.А. Ушаков.* Образ России в революционной Франции («Завещание Петра Великого»). В кн.: Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. СПб, 2006 // www.history.pu.ru/biblioth/novhist/mono/revun/010.htm/.
10. *Строев А.* Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_02.htm/.
11. *Филюшкин А.* Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев // Россия-XXI. 2004, № 3.